

"Где Ваша шпага, Александр Васильевич?" Так обычно встречал Черепкова в шахматном клубе мастер Лисицын. Черепков был тезкой Великого Суворова, и даже внешне походил на него. Овал, черты лица, стройная худощавая фигура среднего роста, ясная, и в то же время образная речь. Если бы надеть на Черепкова мундир генералиссимуса, то стоял бы перед нами Суворов! В шахматах - чистый самородок. В 62 года своей шпагой пробивается в чемпионы Ленинграда. А уже надвигалась эра компьютеров-тяжеловесов, которыми вооружалась молодёжь.

Скромно одетый, но всегда подтянутый, приветливый, динамичный. А главное - умный и скромный. От него шёл свет. Таким я вижу Александра Васильевича в бытность мою во Дворце пионеров и во всей последующей жизни. Мы любили и ценили друг друга, и каждая наша встреча была праздником.

Его педагогический дар имел важного союзника - изюминку лихости, задора, столь свойственную героям нашей молодости - королевским мушкетёрам.

Всегда с удовольствием наблюдал, как Александр Васильевич играл в домино, в подкидного дурака, в настольный теннис. Но особенно мне запомнился один футбольный матч на нашем шахматном сборе в ЦПКиО на Крестовских островах. Проходил он недалеко от шахматного павильона, где я девятилетним юнцом когда-то начинал свой шахматный путь. Было мне в то время лет четырнадцать. Я уже и сам неплохо играл, научившись бить и слева, и справа. Но поражал меня Александр

Васильевич. Он носился по полю как метеор, атакуя в основном по краю: "Джонни, пасуй!" (так мы прозвали перворазрядника Смольного). К этому кличу добавлялись слова, не подлежащие литературному воспроизведению, но это мало кого смущало. Азарт игры поглощал всё. Играл Александр Васильевич в одних трусах. Тело его было в каких-то рубцах и, как мне казалось, в пулевых отметилах. Чтобы подтвердить свою догадку, я вынужден вернуться в 1948 год.

В этом далёком году проходило первенство ЦС "Трудовые резервы" по шахматам и шашкам как среди взрослых, так и среди юношей. В Минск отправилась большая группа взрослых, куда затесался и я, одиннадцатилетний юнец. Помню, как вся бригада входила в новый немецкий вагон, который выглядел нарядно, как вестибюль на колёсах. Этот "вестибюль" всё ещё существует в виде плацкартных вагонов с самой дешёвой ценой по маршруту Москва - Петроград. Извините, но мне стыдно называть мой город его старым блистательным именем. Не называем же мы обрезанную Россию Российской Империей. А то, что он город Петра - от этого никуда не уйти. Кстати, точный перевод Saint-Petersburg - Святой Петроград, и это название уместно, только для столицы.

По приезде в Минск поселились все в общежитии на окраине города, в огромной комнате человек на 25! После тура вечером начиналась рубка в домино, в подкидного дурака. Я с огромным интересом наблюдал, как играет в подкидного Виктор Корчной. Но моим главным "объектом" внимания был, конечно, Александр Васильевич. Он всегда был весёлым, пел, шутил, играл

во все игры. А когда я узнал, что он прошёл всю войну, то я буквально "пристал к нему как банный лист": "Александр Васильевич, расскажите про войну!" Я раньше обращался к фронтовикам, но получал примерно один и тот же ответ: "Мальчик, лучше об этом помолчать". Но Александр Васильевич рассказывал! Я помню все его рассказы и запомнил все песни, которые он пел.

Любопытно совпадение. Александр Васильевич выиграл свой турнир, на втором месте был Корчной, на третьем Щербаков. А я выиграл свой юношеский турнир! Всё самое светлое о турнире в Минске у меня связано с Александром Васильевичем.

Прошло много лет, и я получил озвученную запись воспоминаний Александра Васильевича. Незадолго перед войной он полез в пьяную драку. "Очнулся. Сижу на нарах. Без прикупа и козырей". В итоге - "командировка" на Север, в ГУЛАГ.

Во время войны у Александра Васильевича был выбор: пойти в обычную войсковую часть или в штрафную роту, где предлагали разные льготы. Он выбирает второй вариант, который на самом деле оказывается приманкой. В 1943 году он тяжело ранен - подорвался на mine. Истекая кровью, дополз до своих. Боец, уложив его на подводу, сказал вознице: "Этот не дотянет". Спас Александра Васильевича хирург, которого он помнил всю жизнь. По воспоминаниям я узнал, что у Черепкова было семь пулевых ранений.

Трудную жизнь прожил Александр Васильевич. Но он смотрел людям прямо в лицо и ничего не боялся. Когда в 1971 году мастер Г.Сосонко уезжал из СССР, то на общем собрании преподавателей Дворца пионеров каждый должен был что-то сказать. В то далёкое время требовалось показать свой "патриотизм". Александр Васильевич сказал примерно следующее:

"Геннадий Борисович - взрослый человек. Хорошо зарекомендовал себя как преподаватель Дворца пионеров, а своей судьбой он волен распоряжаться как считает нужным". Думаю, что если бы четверть населения думало таким образом, то и болыневицкого духа не было бы в стране. Не было у Александра Васильевича страха, несмотря на все превратности судьбы.

В 1974 году Александр Васильевич вместе с В.Г.Заком навестили меня в Москве. Было грустно. Думаю, что оба тренера понимали, что суждено мне покинуть свои края. Жить в подчинении, выпрашивать турниры... И последовал я примеру А.А.Алехина и Е.Д.Боголюбова.

Десять лет назад в помещении шахматного клуба на Владимирском проспекте праздновалось 80-летие Черепкова. Я с чистой совестью сказал, что пока такие люди есть, тысячелетняя Россия будет жива.

"Без прикупа и без козырей" прожил Александр Васильевич свою жизнь, получая скромное жалование преподавателя Дворца пионеров. Перестройка бросила миллионы людей в нищету и произвол. Не избежал этой участи и Черепков. Антонина

Владимировна, его верная спутница, была последней опорой в жизни.

Помогал старый друг Сергей Владимирович Хавский, о котором, кстати,

храню самые светлые детские воспоминания, и некоторые из друзей. Больницы, требовавшие огромных денег, и кратковременное пребывание дома - вот грустный удел жизненного эндшпиля. За несколько недель до кончины я навестил Александра Васильевича и Антонину Владимировну. Вспоминали хорошее. Я знал о трудностях и огорчениях семьи. Случайно коснулись больной темы. В ответ Александр Васильевич, по своему обыкновению, широко развел руки и протяжно произнес: "И-иии!". Не мог Александр Васильевич сказать плохо о ком бы то ни было, я никогда этого не слышал. Величие духа! И сразу стало радостно и светло. Александр Васильевич обладал редким качеством - во мраке увидеть свет. И этот свет становился его путеводной звездой, заслоняя всё остальное. Александр Васильевич ушёл из жизни почти одновременно с Антониной Владимировной. Мы, их друзья, понесли тяжёлую и невозполнимую утрату. Такие люди - редкость...

Вечная память!

Б.Спасский

Париж, 2009 г.